

МОИ ПАНК-РОК
МОИ ПАНК-РОК ИГОРЬ СМИРНОВ
МОИ ПАНК-РОК
МОИ ПАНК-РОК

16+

Игорь Смирнов

Мой панк-рок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54173335

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта книга – история взросления проблемного подростка, рассказанная от первого лица и описывающая юность, прошедшую в треше и угаре. Это история про противопоставление себя социуму, про 2007-й, про музыку, про отношения с людьми, про предательство, про детские комплексы и про то, что любое детство, даже самое травматичное, нужно принять и перестать его бояться.

Содержание

предисловие.	4
глава 1	5
глава 2.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

предисловие.

Большую часть этого текста я написал в инфекционной клинической больнице номер 2, куда попал в тяжелом состоянии и чуть не отдал богу душу.

Времени подумать было предостаточно, поэтому наконец-то я смог пройти в своей голове по многим эпизодам, которые боялся трогать все эти годы.

Странно ли писать мемуары в 32 года? Наверное, да. Но после того, как я заново пережил травматичные события из детства, все эти странные моменты взросления и весь трэш и дебош юности, выжженное поле в развалинах в моей голове превратилось в строго структурированный, упорядоченный архив. Я больше не боюсь своего прошлого. Быть откровенным с самим собой было тяжело, идти по нити повествования было сродни пробежке по минному полю. Но я пробежал эту дистанцию. Гештальты закрылись, точки проставились. Разве это не прекрасно?

глава 1

В темном клубе я со стаканом виски-кола качаюсь в такт бейс-музыки. Я не пил примерно год и сегодня решил – почему нет? Что мешает мне? Мне кажется, что я растворился в этом звуке и в этом свете, мне кажется, что вокруг меня движутся такие же безликие тени, они просто не существуют. Музыка затихает и в неё вплетаются радиопереговоры из Чечни: «мой товарищ лежит рядом без руки, не смогли его спасти, не смогли его спасти». Вздрагиваю всем телом, но накачивает новая волна тягучего бейс-саунда и я продолжаю танцевать.

Я родился в глухой деревне на краю света. По крайней мере уже в детстве я понимал, что моя вселенная ограниченная лесом и рекой сильно отличается от того, что видят мои сверстники, которые живут в городе. Сверстников я видел по телевизору, по доступным мне двум телеканалам – первому и второму. Кажется, они чувствовали себя отлично, я же вздыхая смотрел в окно и шёл собирать облепиху – мерзкие маленькие ягодки лопались, разъедали руки и наводили уныние.

Впервые я осознал себя в возрасте 4х лет. Я просто стоял на кресле во весь свой рост и вдруг понял – я Игорь, мне 4

года. Я смотрел на печку, она была белая и облупившаяся, было утро и мир вокруг был одной сплошной загадкой.

Примерно в это же время старшая сестра научила меня читать: это оказалось не так уж сложно и очень захватывающе. К моменту, когда пришла пора идти в школу я уже вдумчиво читал большие книги, чем шокировал случайно забредавших к нам отцовских друзей. Картина и правда была та ещё: печка с бушующим огнём внутри, рядом маленький мальчик с огромной книжкой сосредоточенно листающий страницы. Я был робким и застенчивым мальчиком, поэтому в школе приходилось имитировать, что я также не умею читать, как и все. Ма-ма мы-ла ра-му и прочее дерьмо. Если быть объективным, к 7 годам я был объективно умнее и развитее одноклассников, поэтому приходилось подстраиваться под общий интеллектуальный уровень – высовываться я тогда ещё не умел, а иметь своё мнение меня попросту не научили.

В школе учились дети из 5 разных деревень, представляющих собой один большой населенный пункт, протяжённостью 10-15 км. Я жил в самой странной его части. В моей деревне было совсем немного домов, где уже на тот момент жили преимущественно старухи и деды. Мой же дом вообще стоял особняком: перед ним – овраг, лес, река и на горизонте какой-то загадочный город. Я часто вечерами фантазировал как там носятся автомобили, которые везут своих хозяев в их квартиры в многоэтажных домах. Позади – бескрайние

поля, они простирались так далеко насколько хватало взгляда, а за ними, казалось, ничего уже и не было. Справа и слева жилых домов не было, они начинались примерно через километр в обе стороны. Сверстников моих там не было и недавно, поэтому приходилось придумывать себе вымышленных друзей. Не буду прибедняться, у меня были игрушки, но все они были не тем, что мне хотелось. Я мечтал о динозаврах и роботах-трансформерах, в голове прокручивал сюжеты и баталии, связанные с их вселенными. Недостающие игрушки я рисовал на бумаге и выстригал. В какой-то момент все мои игрушки стали двухмерными. Я был скромным и робким мальчиком, все время боялся кому-то помешать, поэтому играя, я не произносил ни звука, все диалоги прокручивал у себя в голове. Достаточно дикая картина: в полной тишине мальчик разворачивает сюжетные линии из нарисованных 2d монстров и роботов, сидя где-то в уголке на диване.

Способность визуализировать все вокруг вообще зародилась у меня очень рано: так по ночам я долго не мог уснуть, а покрывало на стуле в это время превращалось в чью-то оскаленную пасть, пальто на вешалке превращалось в незнакомого ночного гостя, а полка на стене и цветы – в дикого зверя. Тогда это было удивительно и ничуть не пугало. В уже более взрослом возрасте, когда я начал перебирать с алкоголем это сыграло со мной злую шутку, но тогда, в детстве, моё гипертрофированное воображение легко переносило меня в

сказочные выдуманнные миры, в которых я легко прятался от реальности, и легко засыпал.

А прятаться было от чего. Мой отец – алкоголик. Точнее был им все моё детство и перестал злоупотреблять, когда мне уже было достаточно много лет и это перестало быть для меня проблемой. Но в тот момент это была моя личная катастрофа. Каждый эпизод его пьянства рушил мой мир, в котором на тот момент ещё было относительное спокойствие и гармония. Каждый мой день завершался одинаково: я с нетерпением смотрел на часы и ждал. Чертовы стрелки двигались медленно, как будто издевались надо мной. Если стрелки складывались в привычную комбинацию, и я слышал тяжёлый стук отцовских сапог – я выдыхал: он вернулся, он трезвый и уже никуда не уйдет. Если стрелки предательски двигались дальше: все дальше и дальше, дальше и дальше, а отца не было, во мне начинал зреть мерзкий липкий страх. Я сидел и готовился к бойне. Как правило отец появлялся глубокой ночью, громко ругался матом, падал, ломал вещи. Поймите правильно, я не подвергался физическому насилию. Все, что я помню из этого – как получил подушкой в рожу с размаху. Насилие было исключительно моральным и планомерно ломало мою психику. Постепенно в моем сознании поселился страх. Он был перманентным и своими липкими щупальцами постоянно щекотал моё нутро. Даже в те моменты, когда я должен был чувствовать себя беззаботно, я чувствовал его гадкое присутствие.

Другое дело, что сидеть и страдать времени было немного. Я жил в глухой деревне на краю света и из всех удобств я имел безупречно свежий воздух. Все остальное нужно было системно обеспечивать: таскать в дом дрова, чтобы было тепло, расчищать дорогу до колодца от снега зимой, таскать воду из колодца в дом, как только вода из колодца уходила – квест усложнялся: нужно было с ведрами спускаться в овраг и тащить воду оттуда, в крутую гору, спотыкаясь и проливая на себя ледяную воду. Моя зима тогда – это не санки, снежки и снежная баба. Моя зима – это снегоуборочная лопата и мерзкое липкое ощущение: уже темнеет, а я ещё не натаскал воды и дров.

Мои родители были фермерами и держали огромное количество живности: корова, свиньи, овцы, курицы, телята, бог знает кто ещё. Заготовка еды для всех этих ребят была отдельным аттракционом. В то время, когда у всех школьников начинались летние каникулы, у меня начиналось отдельное приключение – сенокос!

На тот момент весь этот процесс казался предельно нелогичным. Да и сейчас я вижу в нем что-то обсессивно-компульсивное. Только задуматься: приехать в огромное поле, долго и монотонно собирать скошенное сено в кучи. Уехать. Приехать снова и раскидать эти кучи и так несколько раз пока не наступал финал – сбор всех этих куч в одну большую кучу. На самом деле финальная часть была самой весёлой: я должен был залезать наверх этой кучи, утапывать и утрам-

бовывать закидываемое сено, поднимаясь все выше и выше, и выше. А потом скатываться вниз. Это было весело, но все равно нелепо.

Вернёмся к животным. Мы не только заготавливали для них еду, они и сами становились для нас едой. Это было ужасно. Практически каждый день я видел прекрасного телёнка или добродушную свинью, заботился о них, а потом меня звали помочь перетаскать мясо, и я видел залитую кровью поляну и вместе со взрослыми тащил разрубленное на куски мертвое тело, голову с широко открытыми мертвыми глазами. Эти мертвые взгляды я буду видеть в своём подсознании до конца своих дней. Сейчас я идейный вегетарианец, я против любого насилия и не приемлю даже разговоры о причинении вреда животным. Тогда моя жизненная парадигма не предусматривала само понятие "вегетарианство" и это причиняло мне глубокую моральную боль.

Что тогда, что сейчас я задаюсь одним и тем же вопросом: почему в этом мире так много боли?

Картошка. Ещё один эпизод забав и развлечений. Мои родители имели огромное картофельное поле, а это предусматривало целый ряд комплексных мероприятий.

Сначала посадка. Коллеги с маминой работы, родственницы и просто любительницы выпить стягивались к назначенному времени и начинали методично втыкать картошку в землю. Кто-то делал это лучше, кто-то движимый только желанием поскорее бухнуть – хуже. Моей задачей было тас-

кать картошку, обеспечивая бесперебойную подачу материала для высадки. Заканчивалось мероприятие вечеринкой с водкой и закуской, после чего милые дамы разбредались кто куда. Дальше наступала пора заваливания (изматывающего подсыпания земли на грядку), огребания (не менее изматывающего формирования пирамид внутри грядки и сбора колорадских жуков. Колорадских жуков мне было до ужаса жалко, я не понимал, зачем я должен их убивать, поэтому собрав их в банку я просто выпускал их в траву в конце грядки. Я искренне надеялся, что жуки воспользуются своим шансом и уйдут/улетят прочь. Не знаю, как дальше складывалась их судьба, скорее всего они возвращались на насиженные кусты и их все же убивал кто-то из взрослых. Кто знает...

Каждая осень сваливалась как дурное дождливое серое облако. Прямиком на голову. Это был какой-то дабл-килл. Во-первых, нужно было идти в ненавистную школу, во-вторых наступала пора копать чёртову картошку. Порой меня брало отчаяние – я совсем не любил картошку и редко её ел. Я совсем не понимал зачем нужно тратить столько времени на этот дурацкий корнеплод. Сначала нужно было выдирать мясистые кусты и разросшиеся сорняки, чтобы оставить картофельное поле голым и беззащитным, трава резала руки, не отпускала свои корни, терзала мышцы. Дальше нужно было орудуя вилами вытащить корнеплоды из земли, дальше – ведрами собрать их в мешки, дальше – перетаскать

мешки к месту их хранения, подвалу. Все это после уроков в школе естественно и в выходные, полностью посвящённые этому процессу. Сомневаюсь, что все эти счастливые детишки из Зова Джунглей проводили время также.

Моя школа была старой, построенной в каком-то там лухматом веке, с высокими потолками и печным отоплением. Она стояла посреди соснового бора и, наверное, это было круто, но из бора периодически приползали змеи, а после уроков вместе с другими детьми нужно было таскать дрова в школу.

Школу я не любил. Моя мама была учительницей в этой же школе. Поэтому учителя были вынуждены быть ко мне лояльны, хотя многие и не скрывали своего негатива. У меня был самый большой класс в школе – целых 17 человек. Часть из них отсеялась уже через год, но мой первый класс был большой. И тупой. Мои одноклассники были детьми работников местного колхоза, *working class heroes*. Воспитание и интеллект в них заложены были соответствующие. Самая отдаленная деревня от школы называлась Поцепкино и в ней жили самые отбитые и агрессивные дети. Я был робким и застенчивым мальчиком, к тому же уже тогда начали проявляться мои проблемы с лишним весом, которые красным швом продолжили идти бок о бок со мной сквозь всю мою жизнь. Я часто подвергался насилию, что странно – снова не физическому. Моральное насилие сыпалось на меня каждый день. Обороняться я не умел, поэтому все дальше ухо-

дил в свои психозы как в раковину. Я замыкался, закрывался и спасался в своих выдуманных мирах. Даже после полностью выматывающего дня в школе можно было вернуться домой и погрузиться в свои фантазии. Внутри них стреляли лазерами роботы и ревели динозавры. Я всей своей душой ненавижу это время. Мне до сих пор вселяют панический ужас мультфильмы Диснея. Я с радостью буду смотреть все части Пилы и Астрала, но от звуков заставки Дисней-клуба у меня шевелятся волосы на голове. Глубинный страх, который говорил, что за этим чертовым воскресеньем снова будет поход в школу, кажется и по-прежнему живёт где-то в глубинах моей головы. А все эти Русалочки и Мики-Маусы только усугубляли это ощущение и делали его ещё тошнотворнее.

Ровно также я ненавижу жёлтый электрический свет. В детстве у меня были необъяснимые приступы удушья. Взрослые включали свет, на улице была глубокая ночь, а мне казалось, что я умираю. А осенью ранним утром загорался все тот же жёлтый свет и это символизировало то, что пора собираться в школу за новой порцией знаний и унижений. Став взрослым, я старательно стал менять жёлтый свет на белый в любом помещении где мне предстояло бы жить и заморочено развешивал неоновую подсветку. Лишь бы не этот чертов жёлтый свет.

Однажды утром школа сгорела и это был кажется лучший день и лучший месяц в моей тогдашней жизни. Звучит не

очень, но это было так. Это было очень мистично – огромные волны дыма летели мимо моего дома, хотя школа была достаточно далеко от него. Моя душа замирала в предвкушении чего-то нового, начала какой-то новой жизни. Было лето, пасмурно, все вокруг заволокло дымом, а я смотрел в окно и улыбался.

Этой осенью я пошёл в бой класс. К этому времени вокруг меня уже сложилась дурная слава нелюдимого странно-го мальчика, который был изгоем в классе и к тому же чуть не утонул в коровьем навозе, случайно забредя на ферму. Это была бы нелепая смерть, но выбравшись я подписал себе ментальное самоубийство. Кому в глухой зажатой закомплексованной и предельно необразованной деревне хотелось бы общаться с парнем искупавшемся в коровьих фекалиях? Часто идя домой после школы, я представлял, как превращаюсь в Мистерио из вселенной человека-паука и мощными ударными волнами обеих рук разношу свой класс и уничтожаю своих одноклассников. Суперзлодеи всегда нравились мне больше чем супергерои и в тайне я надеялся, что в каждом мультфильме зло победит.

Школа сгорела, и я ходил учиться во вторую смену в уцелевшем спортзале. С утра я копал чертову картошку, а днём шёл учиться. Кажется, в тот момент мои отношения с одноклассниками начали выравниваться, но свою порцию морального прессинга я все равно получал регулярно.

Примерно в это же время в моей жизни появилась музыка.

Музыка была в моей жизни и раньше, но это была какая-то жуткая попса, эстрада, песня года, мрак.

Вся значимая музыка досталась мне от сестры. Как-то раз она привезла мне аудиокассету со странной обложкой, отдала и сказала, что сейчас это очень модно. Это был альбом Икра группы Мумий Троль, который сделал моей голове лоботомию. Я боюсь представить сколько тысяч раз я прокрутил эту кассету. Это было настолько невероятно и удивительно, что я просто проваливался в этот новый мир, он был необъяснимым. Я мечтал видеть эту музыку по телевизору и слышать по радио, но слышал там одну лишь мерзкую попсу. Постепенно я нашёл похожую музыку – Сплин, Танцы Минус, что-то ещё и полностью перебрался в эту вселенную. Здесь прятаться было намного проще: стоило лишь включить знакомые треки и "шамамамамы все знают" уносили меня далеко от кромешного мрака, в котором была моя тогдашняя жизнь. Самыми счастливыми днями для меня были субботние выезды с семьёй на рынок в районный центр. Стоило отцу припарковать машину, как я бегом устремлялся в толпу. Я знал все точки с аудиокассетами и размахивая старательно накопленными деньгами бежал к ним. Я покупал 5-6 аудиокассет, которые тщательно распихивал по карманам. На остатки денег я покупал какую-нибудь ерунду типа тетрадки, чтобы показать родителям и с нетерпением ждал приезда домой, чтобы уже включить заветные кусочки пластмассы. Аудиокассет в итоге у меня собралось какое-то неисчислимое множе-

ство. Я хранил их в коробке из-под обуви, которую все расширял и расширял. В итоге она стала занимать полкомнаты. Я скупал музыкальные журналы с постерами и постепенно стены моей комнаты покрылись лютыми рокерами. Все они были полными девиаций наркоманами. "Как круто!" – думал я. Уже тогда я понял, что все, что я слышу с экрана ТВ про наркотики – это полная чушь. Как-то планомерно в мою жизнь вошли the Prodigy и поставили все в ней с ног на голову, потом Enigma – первая психоделия моего детства. Все это формировало мой сумасшедший музыкальный вкус. Как-то я выкрал у отца ключи от его работы, проник туда, позвонил в Москву и заказал видеокассету с клипами Энигмы. Надо только представить это – звонок и детский не сломавшийся голосочек говорит – отправьте мне кассету "ремембер тхе футуре" в деревню Кривцово. Как-то тайно я заказал журнал про the Prodigy, счастливый забрал его с почты, а ночью на него вырвало кошку.

Все эти и другие мои тайные дела так и остались нераскрытыми. Пальнули меня только тогда, когда я оформил подписку на FUZZ, тогда она стоила каких-то бешеных денег. Мать отправила меня на почту подписаться на что-то и принести сдачу. Нести было нечего, импровизировать не получалось, и я крепко получил по голове. В ту пору от сестры мне уже перепали концертный альбом Nirvana, второй альбом Дельфина, массу музыки я купил себе сам, как фанатик я читал любую музыкальную прессу, что попадалась на глаза

и был очень прошарен в музыкальном плане. Очень хотелось с кем-то это обсудить, но было совсем не с кем.

В школе мне хорошо давались все предметы, кроме физкультуры и труда – то есть тех двух предметов, где нужна была двигательная активность.

Учительница физкультуры была знойная, молодая и любила только спортивных детей: тех, что хорошо прыгали через козла, играли в волейбол и ставили рекорды по прыжкам в длину. Мне кажется будь её воля ко мне она бы относилась как полная мразь, но побаивалась моей мамы, что только удваивало её скрытую ярость. К 7-8му классу я стал натуральным толстяком. Какие уж тут прыжки через козла... Я проваливал абсолютно все нормативы, патологически не мог отжиматься и подтягиваться, не говоря уж о таких изысках, как лазить по канату и ходить по рукоходу. Кажется, что-то из этого я все же мог, но смех одноклассников и надменное лицо училки отбивали всякое желание пробовать. Отвращение к спорту она мне привила просто колоссальное. Впоследствии она неудачно вышла замуж и спилась. Но это уже другая история.

С учителем труда была абсолютно аналогичная история, но под другим углом. Он также боялся мою маму, люто ненавидел меня и боготворил моих одноклассников, которые могли и табуретку сделать и корабль из фанеры собрать. Я же на первом занятии показал все свои таланты, едва не отпилив себе палец пилой. Чертов препод решал все пробле-

мы с помощью крика и оскорблений. До сих пор помню его гадливые усики. Впоследствии он завёл себе бабу и куда-то уехал. Не удивлюсь, если сейчас он сидит за какую-нибудь педофилию, чертов психопат.

Отчетливо помню момент, когда я решил что-то менять и перестал есть. Совсем. Раз в несколько дней я конечно что-то ел, что-то вроде яблок или творога с ягодами. Шаг за шагом я вёл себя к истощению. В сочетании с нагрузками вроде сенокоса, таскания воды и прочего, эффект был потрясающий. У меня стабильно держались чёрные круги под глазами, черты лица заострились, а на поворотах меня заносило. Родители пытались исправить положение и накладывали мне полные тарелки еды, но здесь начинал действовать наш преступный план: мой и моей собаки Зины. Стоило родителям отвернуться, в дело вступала Зина, которая в то время была сыта просто до отвала. Пару раз меня забирала скорая с острыми приступами желудочной боли. Мне прокапывали капельницы и отпускали домой, где я продолжал свой системный план по достижению худобы. Глядя сейчас на эти фото мне становится страшно – это натуральный Освенцим. Тогда же мне казалось, что я просто безобразно толстый. По всей видимости это была анорексия, просто тогда я этого слова не знал.

Отношения с одноклассниками по-прежнему не ладились: между нами была огромная интеллектуальная и ментальная пропасть. Однако в определённый момент меня по-

садили за одну парту с самым отбитым парнем в классе и у нас внезапно началась какая-то болезненная, патологическая дружба. Чувака все побаивались, поэтому и меня никто не смел больше как-либо задеть. Все шутки и издевательства сошли на нет. Начинался очередной учебный год, 9ый класс и сердце моё замирало от того, что уже через год я уеду из этой дыры.

Отношения с музыкой в это время вышли в другой формат. В наследство от сестры мне досталась куча видеокассет с коммерческим Хаусом, ну с тем самым кислотным, с поющими дядьками и тетками. Эта музыка мне не нравилась, но я пересматривал клипы раз за разом периодически находя что-то интересное. Клип One Love the Prodigy, например. И вдруг на одной из кассет я нашёл просто сокровище – все что я видел в Fuzz и других музыкальных журналах и все что я мечтал послушать: Placebo, Manic Street Preachers, Oasis, the Smashing Pumpkins и многое другое.

Пришёл тот момент, когда я начал уделять внимание своей внешности. Сейчас я понимаю, что выглядел я как Вилли Вонка из Чарли и шоколадная Фабрика: как человек, который давным-давно не видел реальных людей и сам себе придумывал образцы и эталоны красоты. Хотя в моем случае это не совсем так. Я хотел выглядеть как Брайан Молко и братья Гэллахеры, хотел выглядеть странно и круто, как все мои кумиры. С первым пунктом я справился, со вторым нет.

Первым делом я отрастил волосы по плечи и какой-то

странной жидкостью покрасил пряди. Часть волос отвалилась, те что остались были дикого рыжего цвета. Кажется, я хотел быть похож на Джеймса Иха из the Smashing Pumpkins в клипе Zero, ну или просто хотел выглядеть странно. Во время очередной поездки в районный центр я купил себе странных вещей, максимально странных вещей, например, кислотно-красную футболку, футболку с жирной крысой говорящей непристойности, кроссовки на платформе, стремный кулон в палатке металлистов и прочий странный стафф.

Начались времена моего противопоставления себя обществу.

Три аудиокассеты я в тот промежуток времени замылил до дыр – третий альбом Nim, первый альбом Gorillaz и Mutter Раммштайна. Наверное, для моих продвинутых сверстников это было жуткой попсой, но я на тот момент располагал о всех трёх музыкантах лишь поверхностными познаниями, поэтому мне казалось все это жутко прогрессивным и жутко психоделичным.

В журнале Fuzz я как-то раз увидел объявление от какого-то чукчи с севера – он предлагал записать на аудиокассеты музыку. Я написал письмо, и он прислал мне каталог полный сокровищ: там было все, о чем я читал, чем восхищался, но даже и не помышлял где-то достать. Я написал огромный список – Coil, Psychic Tv, Einsturzende Neubauten, Bjork ещё что-то и перевёл деньги. Дальше была тишина в течении нескольких месяцев, и я был уверен, что меня кинули. А по-

том все пришло. Оказалось, что я перевёл слишком много денег и добрый чука записал мне вдвое больше музыки, чем я просил, ориентируясь на свой вкус, наверное: Nasil Adkins, Nybryds... Мне было 15 лет и все это свернуло мою голову. Ночами я сидел у окна, и чтобы никого не разбудить слушал на минимальной громкости Coil. В музыку вплетался шелест листьев, редкий ночной дождь и движение ветра за окном. Разве я имел шансы вырасти нормальным?

Учебный год закончился, одноклассники собрались в Костыльке – местном лесу, чтобы отметить выпускной. Появилась бутылка самогона – первое психотропное вещество в моей жизни. Не помню точно, как я его пил, но хорошо помню свои ощущения – все вокруг стало удивительным. Я и в последствии став взрослым выпивал только с той целью, чтобы изменить реальность вокруг себя и сделать мир удивительным. Это всегда работало и всегда получалось.

В тот раз я смотрел на лес, вечернее небо и все было чудесным. С удивлением я наблюдал, как матёрые одноклассники валяются под деревья, как опавшие листья. Это было странно.

Домой я шёл в темноте и пошатываясь, одними губами проговаривал текст Дельфинов группы Мумий Троль.

Тем летом я жил в предвкушении – скоро начиналась жизнь полная свободы и чудес: я уезжал жить и учиться в районный центр. В моей глухой деревне было только 9 классов. Наверное, потому что большинству выпускников больше было и не нужно. Желающие продолжать образование

могли ехать в такую же глухую, но чуть более продвинутую деревню либо в районный центр. Мне повезло больше, чем старшей сестре, я уезжал в город Мантурово. Все лето я собирал крыжовник, встречал корову из поля, слушал Deftones и ждал письма от подруг по переписке. Через Fuzz я познакомился с разной степени адекватности сверстниками, которые заменили мне реальных друзей. Мы переписывались и это было очень интересно. С одной девушкой мы поддерживаем тёплые, дружеские отношения и сейчас, спустя годы.

Вечерами я выходил на улицу и долго смотрел на горизонт сидя на лавочке. Время тогда вообще было тягучим, бесконечно долгим. Кажется, один день был длинной в неделю, а была ещё и ночь. Как только я выходил на улицу ко мне подходила собака Зина и со всех ног бежал её сын Буля. Я любил их.

Куда потом пропал Буля я не знаю, а старую Зину по слухам застрелил сосед по просьбе моей матери. Эта мысль вонзается ножом в мою голову, и я не хочу в это верить. Надеюсь в собачьем раю эти двое скажут по облакам и ждут, когда мы снова встретимся.

Будучи маленьким мальчиком, я страдал от приступов лунатизма. Среди ночи я просыпался и в полном сознании, но с парализованными причинно-следственными связями шёл изводить родственников. Например, будил сестру и спрашивал где у нас колбаса. Или пытался открыть дверь, чтобы выйти на улицу. Никогда не справлялся с дверным крючком

и уходил обратно спать. С утра было страшно. Ближе к 15 годам лунатизм ушёл, но пришло ОКР. Три раза хлопнуть дверью, пересчитать цветы на подоконнике перед сном... Все эти ритуалы могли занимать несколько часов. В какой-то момент я начал понимать, что схожу с ума и просто перестал это делать. Спустя годы ОКР проявляет себя, но очень слабо. Например, будь моя воля я бы до бесконечности проверял закрыта ли входная дверь. Но жизнь это теперь не омрачает. Этим летом я работал у отца в лесничестве – вечерами разматывая огромный шланг нужно было поливать саженцы хвойных деревьев и периодически пропалывать их от сорняков. Относился я к этой работе максимально халатно, хоть и получал от неё какие-то смешные деньги. Все мои одноклассники ходили в местный клуб – девчонки, чтобы танцевать под Руки вверх!, парни – чтобы напиваться и потом гонять на мотоциклах, разрезая ночную тишь ревом глушителей. Я в клуб не ходил: это одновременно огорчало меня и одновременно приподнимало над всеми ними. Иногда я стоял и смотрел как мимо моего дома стекаются толпы молодежи к этой точке икс. Я стоял и смотрел, порывы ветра периодически приносили звуки какой-то блевотворной музыки и пьяные голоса. Я разворачивался и шёл перечитывать статьи в Fuzz и слушать любимую странную музыку. Это лето пронеслось как комета и закончилось навсегда. Пришла пора уезжать.

глава 2.

- Бегом!!!

У меня заканчивается дыхание и силы, но я бегу. Вокруг ночь, я в военной форме и берцах. в моей руке кольцо от огромного ящика с дровами, у моего напарника в руке такое же кольцо и мы бежим с этим ящиком. Цель – пробежать примерно 500 метров от грибка до грибка. Добегая мы передаём ящик другой паре парней, которые убегают в темноту и тяжело дышим. Это эстафета, её придумал прапорщик, спаливший, что мы разговариваем после отбоя.

Снова наша очередь бежать. Я перевожу дух, силы закончились, но я бегу.

Наступило 1ое сентября, я вышел из машины отца и пошёл искать свой класс. Разочарование нашло меня быстрее. Глядя на толпы бритых парней, я понял, что школа в рай.центре ничем не лучше моей старой и учиться мне предстоит посреди такого же не обременённого интеллектом сброда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.